

УДК 902/903 (572)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.252.266>

К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ ХРОНОЛОГИИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКИХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА ИЗМАЙЛОВКА¹

©2026 г.А.А. Ткачев

Среди разнообразных погребальных комплексов Восточного Казахстана особый интерес вызывает могильник Измайловка. Памятник включает поминальные объекты эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Небольшая группа из 13 курганов, оград и отдельных ящиков, объединенных в один культурно-хронологический комплекс, содержала посуду переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу, соотносимую с бегазы-дандыбаевскими, алексеевско-саргаринскими и раннекочевническими древностями. Планиграфически выделяются 5 подгрупп по две-три конструкции в каждой и два индивидуальных ящика вне выделяемых подгрупп. В результате ограбления вещевой комплекс минимален, но сохранившаяся в большинстве захоронений посуда позволяет наметить определенную хронологическую последовательность в развитии отдельных погребальных объектов, исходя из постепенного сокращения бегазы-дандыбаевских и алексеевско-саргаринских емкостей и медленного увеличения сосудов, характерных для эпохи ранних кочевников.

Ключевые слова: археология, Верхнее Прииртышье, могильник Измайловка, бегазы-дандыбаевский комплекс, хронологическое соотношение поминальных комплексов.

ON THE ISSUE OF THE INTERNAL CHRONOLOGY OF THE BEGAZY-DANDYBAI CULTURE COMPLEXES OF THE IZMAILOVKA BURIAL GROUND²

A.A. Tkachev

Among the various burial complexes of Eastern Kazakhstan, the Izmailovka burial ground is of particular interest. The site includes memorial objects from the Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages. A small group of 13 barrows, fences and individual boxes, united into one cultural and chronological complex, contained pottery of the transitional period from the Bronze to Early Iron Age, correlated with Begazy-Dandybi, Alekseevskoye-Sargary and Early Nomadic antiquities. There are 5 subgroups planographically, two or three structures in each and two individual boxes outside the allocated subgroups. As a result of looting, the movable artifact complex is minimal, but the pottery preserved in most burials allows outlining a certain chronological sequence in the development of individual burial objects, based on the gradual reduction of Begazy-Dandybai and Alekseevskoye-Sargary vessels and a slow increase in vessels characteristic of the Early Nomadic era.

Keywords: archaeology, Upper Irtysh region, Izmailovka burial ground, Begazy-Dandybai complex, chronological ratio of memorial complexes.

История изучения древностей эпохи бронзы и раннего железного века на территории Верхнего Прииртышья имеет длительный период, но переходные комплексы от одного периода к другому представлены единич-

ными поминальными объектами. Одним из таких памятников в пределах Восточного Казахстана является могильник Измайловка, материалы которого имеют яркие индивидуальные черты, свидетельствующие о сложном

¹ Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Археология древности и Нового времени Западной Сибири и сопредельных территорий: маркеры производственной и социокультурной адаптации населения».

² The work was performed by the Institute of Problems of the Development of the North of the TYUMSC SB RAS within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Archeology of antiquity and Modern times of Western Siberia and adjacent territories: markers of industrial and socio-cultural adaptation of the population."

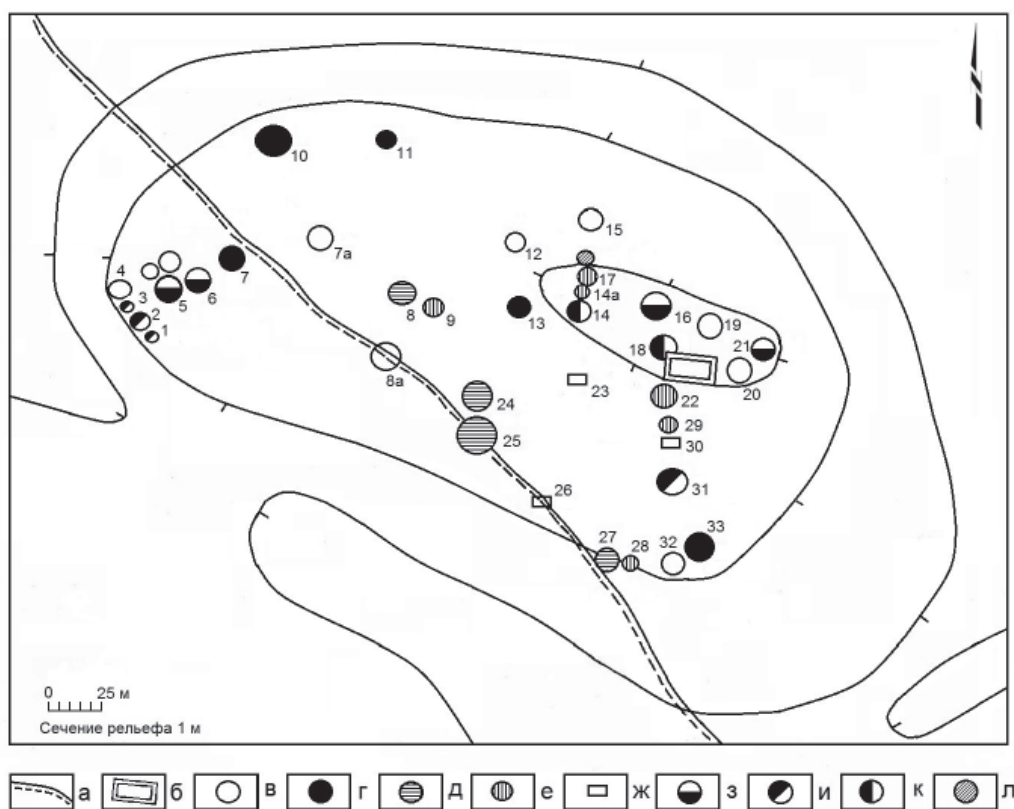

Рис. 2. Могильник Измайловка. План местности по: (Ермолаева, 1987; 2012). а – проселочная дорога; б – фундамент заброшенного тока; в – неисследованный курган; г – курган доандроновской бронзы; д – погребальная конструкция переходного времени с насыпью; е – погребальная конструкция переходного времени без насыпи; ж – каменный ящик переходного времени без ограды и насыпи; з – курганы раннего железного века; и – ритуальные выкладки раннего железного века; к – средневековые курганы тюркского времени; л – поминальная конструкция с неопределенной культурной и хронологической принадлежностью.

Fig. 2. Izmailovka burial ground. Site plan (according to Yermolaeva, 1987; 2012). а – country road; б – the foundation of an abandoned threshing floor; в – unexcavated barrow; г – a barrow of Pre-Andronovo Bronze Age; д – burial structure of the transitional period with a mound; е – burial structure of the transitional period without a mound; ж – stone box burial of the transitional period without fence or mound; з – Early Iron Age barrows; и – stone alignment of the Early Iron Age; к – medieval barrows of the Turkic period; л – memorial structure with uncertain cultural and chronological attribution

ящик. При общей ориентировке групп линии север – юг они несколько смещены относительно друг друга. Можно допустить, что основой соединения обеих цепочек является сооружение № 32, где они должны сойтись. С другой стороны, в каждой из цепочек просматриваются отдельные подгруппы в виде парных сочетаний погребальных конструкций. Так, в первой (западной) линии выделяется три подгруппы, и, несмотря на разрушения насыпей в процессе современного антропогенного воздействия, в двух подгруппах (№ 8–9, 27–28) сочетаются ограды с насыпью и ограды без насыпи. Исключение составляет пара курганов (№ 24 и 25), располагавшихся в центре западной цепочки.

В восточной линии прослеживается две пары оград без насыпей (№ 14а–17, 22–29).

В расположении индивидуальных ящиков с отсутствующим ограждением определенной закономерности не прослежено: один встроен в западную цепочку, другой расположен южнее второй подгруппы восточной цепочки; третий – между цепочками конструкций, южнее первой подгруппы восточной цепочки (рис. 1). Таким образом, выделяются три группы погребальных конструкций: ограды с насыпью, ограды без насыпи и индивидуальные ящики без ограждений.

Курганы группы 1 являются основными в каждой из пар западной цепочки. Насыпи пары курганов в центре цепочки (№ 24 и 25)

перекрывали наиболее сложные внутримогильные конструкции. Менее крупный курган 24 располагался севернее кургана 25.

Ограды группы 2, сопровождающие курганы с насыпями, находясь восточнее основных конструкций (№ 8–9; 27–28), образуют отдельные подгруппы, вытянутые в меридиональном направлении (№ 14а–17; 22–29).

Индивидуальные ящики группы 3 дополняют общую систему планиграфии могильника: ящик № 23 располагался между цепочками; ящик 26, включенный в систему западной цепочки, равноудален от центральной и южной групп захоронений; ящик 30 примыкает с юга к ограде 29 восточной цепочки.

Могильные сооружения представлены каменными ящиками (10) и грунтовыми ямами (3). Каменные ящики крупных (2,6–2,0×1,8–1,9 м) и средних (2,0–1,8×1,1–1,6 м) размеров. Два ящика, исходя из размеров, могли содержать захоронения подростков – ограда 14а (по дну 1,05×0,63 м) и 29 (по дну 1,4×1,4 м). Ящики вытянуты в широтном направлении с незначительными отклонениями к северу или югу. Захоронения разграблены, но скопления костей в западной или восточной половине позволяют предполагать наличие ориентировки как на восток, так и на запад. Единственное непо потревоженное захоронение обнаружено в ограде 28, где в грунтовой яме 1,1×0,8×0,6 м (размеры ямы, как и в других случаях, в тексте отсутствовали и реконструированы по планам (Ермолаева 2012, с. 63, рис. 56)) находились останки ребенка, лежавшего на правом боку в скорченном положении, головой на запад – юго-запад. Судя по развалу камней ограды, яма могла иметь деревянное перекрытие, обложенное по периметру небольшими плитками, формирующими ограду.

Из всего комплекса выделяются курганы 24 и 25, располагавшиеся в центре западной цепочки и отличающиеся от остальных сооружений могильника как размерами, так и особенностями могильных конструкций. В кургане 24 квадратная ограда содержала подквадратную грунтовую яму, ориентированную по сторонам света. В заполнении отмечены угли, зола и прокаленный слой, что позволяет предполагать сожжение деревянной конструкции в процессе совершения погребального обряда при отсутствии данных о воздействии огня на кости умершего, размещенного в могиле. В кургане 25 округлая

ограда содержала грунтовую яму квадратной формы, ориентированную по сторонам света, перекрытую деревянными плахами, поверх которых располагалась каменная выкладка из колотых кварцевых камней. Захоронение по обряду труположения ограблено. В описании курганов 24 и 25 отсутствуют основные цифровые показатели, отражающие размеры могил (24–25) и оград (24) (Ермолаева, 1987б; 2012). Только в предварительной публикации есть упоминание, что грунтовая яма в кургане 24 имела размеры 2×2×2 м; в кургане 25 – 4×3,8×3 м (Ермолаева, 1987а, с. 155).

О сложности погребальной практики населения, оставившего могильник Измайловка, свидетельствует наличие жертвоприношений, сопровождавших умерших. Они обнаружены в большинстве погребальных конструкций, являясь характерными и для предшествующих периодов эпохи бронзы:

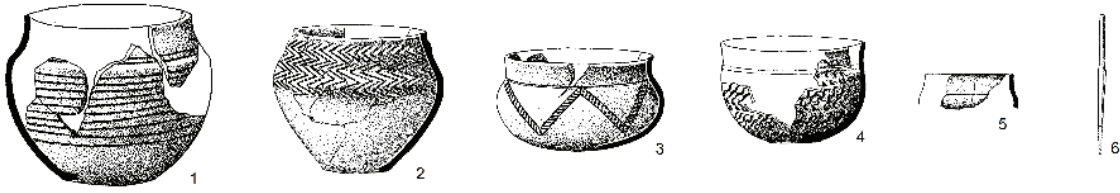
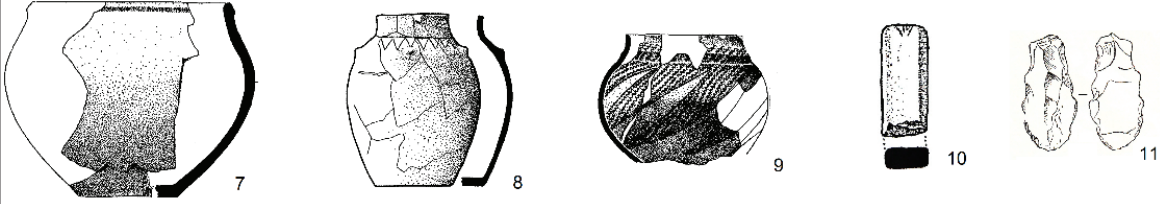
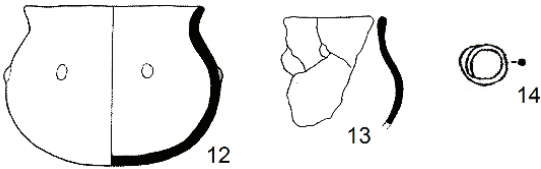
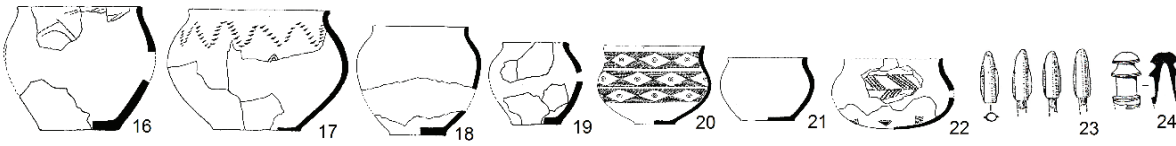
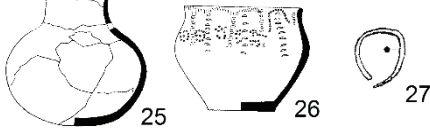
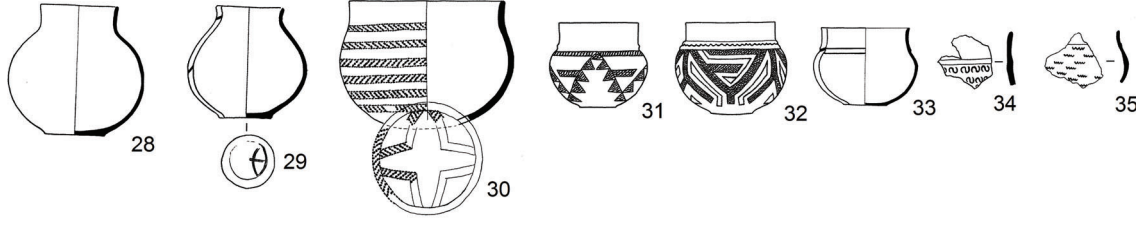
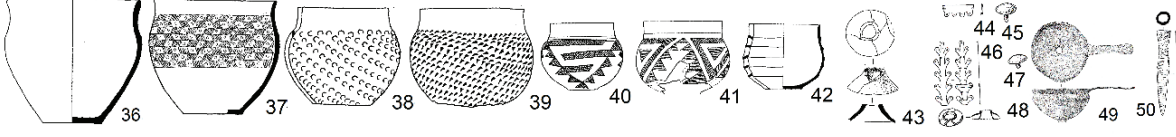
- жертвенные сосуды устанавливались вверх дном на перекрытие могилы (курган 8, табл. 1: 4), впускались в грунт внутри и за пределами ограждения (ограда 9 – табл. 1: 8; ящик 30, табл. 1: 60), в том числе закрытые каменной крышкой (курган 27, табл. 1: 51);

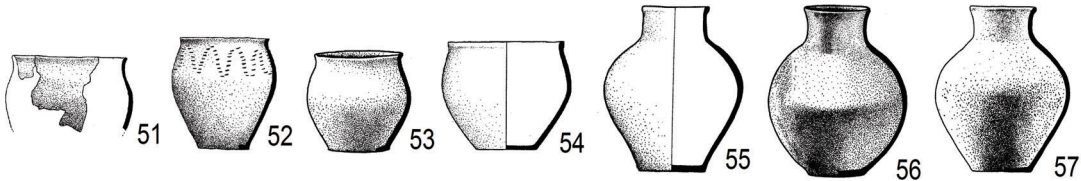
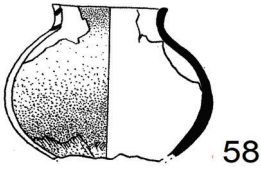
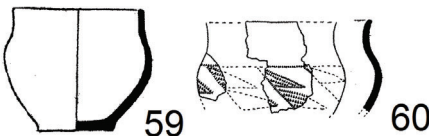
- поминальные куски мяса от крупного рогатого скота обнаружены внутри могилы (курган 25), останки мелкого рогатого скота найдены как внутри (курган 27), так и за пределами могил (ящик 23, курган 26, 30);

- уникальным проявлением в системе жертвоприношений для всех периодов бронзового века степной зоны Казахстана, Алтая и Сибири является размещение с останками умершего тушки или кусков рыбы (ограда 22).

Вещевой инвентарь из-за ограбления представлен незначительным количеством, часть из которого, например, кремневая пластинка (табл. 1: 11), попала в поминальный комплекс скорее случайно. Основная часть датирующихся изделий включает одностороннее четырехгранное шило с упором (табл. 1: 6) и пулевидные наконечники со скрытой втулкой и едва намечающимися узкими лопастями (табл. 1: 23), датированные IX–VIII вв. до н. э. (Ермолаева, 2012, с. 79–80). Втульчатое копьевидное долото имеет более широкое распространение в пределах конца II – начала I тыс. до н. э. (Черников 1960, с. 80, табл. 63, I; Гришин, 1971, с. 22–23, табл. II, 12; Кузьмина, 1966, с. 27–28, табл. III, I; Матющенко, Синицына, 1988, с. 99–101, рис. 89, 1,2). В ограде

Таблица 1. Вещевые комплексы могильника Измайловка (по: Ермолаева, 1987; 1987а; 2012)
 Table 1. Artifacts from the Izmailovka burial ground (according to Yermolaeva, 1987; 1987а; 2012)

Курган 8	
Ограда 9	
Ограда 14 а	
Ограда 17	
Ограда 22	
Ящик 23	
Ограда 24	
Ограда 25	
Ящик 26	Находки отсутствовали

Ограда 27	
Ограда 28	
Ограда 29	Обломки не менее двух сосудов, один из которых рассыпался при снятии
Ящик 30	
Сборы с поверхности	

^a Изображения сосудов и вещей указаны без масштаба (23, 45, 47-50 – бронза; 11 – камень; 24 – кость; 44, 46 – золото; остальное глина).

25 найдены обломки двух гроздевидных заколок (табл. 1: 45, 47), время бытования которых С.С. Черников связывал с заключительной фазой бронзового века (Черников, 1960, с. 83, табл. 776). Близкие изделия переходного карасук-тагарского времени (X – начала VII вв. до н. э.) известны и на территории Южной Сибири (Членова, 1961, с. 279, табл. 1, 98, 99) и Западной Сибири (Молодин и др., 2017, с. 134, рис. 112, 1, 7) Находка литейной формы для отливки заколок с округлой шляпкой, совместно с керамикой малокрасноярского типа, позволяет предполагать их восточно-казахстанское происхождение и появление данного вида изделий у населения региона в конце II тыс. до н. э. (Ткачева, Ткачев 2008, с. 39, рис. 8, 7) Заколки продолжали использоваться, судя по измайловским находкам, и в переходное время. Основная часть погребального инвентаря (цедилка (табл. 1: 49), оселок (табл. 1: 10), бляшка-зажим (табл. 1: 48), золотая и серебряная серьги (табл. 1: 14, 27), поделки из кости (табл. 1: 24) и золота (табл. 1: 44, 46)) широко распространена как в культурном, так и в хронологическом диапазонах.

Измайловский комплекс посуды представлен разнообразными сосудами баночных, горшечно-баночных и горшечных форм, сохранившимися, несмотря на ограбление, в 11 захоронениях (табл. 1). Культурное своеобразие керамической коллекции придают кувшины (табл. 1: 25, 28, 29, 55–57) и сосуд вазовидной формы (табл. 1: 8). Измайловская посуда отличается применением единого сырья с наличием естественных примесей, единообразным способом формовки и обработки внешней поверхности, сочетанием до семи формовочных масс, что свидетельствует о смешении различных традиций и технологических навыков (Ермолаева, 1987, с. 157, 159; 2012, с. 91–111).

Сравнение между тасмолинским вазовидным сосудом (Ермолаева, 2012, с. 104–103, рис. 69, 1) и вазовидными сосудами из курганов с «усами» могильников Зевакино и Кызылтас (Ермолаева, 2012, с. 103, рис. 69, 2; 70, 4) (последний в подрисовочных подписях залегендирован как измайловский) некорректно, так как между ними в хронологическом отношении более тысячелетия (Арсланова,

1975, с. 129, табл. II, 1, 2) Единственное «сходство» между ними в том, что и измайловский сосуд, и емкости из курганов с «усами» отражают переходное время. Первый связан с переходным временем от бронзы к раннему железу; вторые – с переходом от эпохи ранних к средневековым кочевникам. Можно допустить и другое объяснение: кочевая культура отличалась достаточной стабильностью, появившиеся в новых условиях изделия могли сохраняться на протяжении тысячелетий. Возможно и третье объяснение – ограниченность сырьевой базы и близость культурно-хозяйственно типа, что и приводило к консервации традиций кочевой культуры на протяжении длительного времени.

Сложнейшая проблема в изучении памятников бронзового века степной Евразии с момента открытия и изучения могильника Дандыбай связана с культурно-хронологической атрибуцией дандыбаевских или бегазы-дандыбаевских древностей. За последнее столетие исследователями озвучены многочисленные подходы к объяснению данного феномена (Варфоломеев, 2013). В основе разрабатываемых гипотез о широком территориальном распространении древностей данного облика – от Барабинских и Кулундинских степей на северо-востоке до Северного Приаралья на юго-западе – лежат три основные гипотезы. Первая об автохтонном развитии бегазы-дандыбаевских комплексов в степях Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966; Варфоломеев 2013). Вторая – о культурном влиянии или миграции населения из Центрального Казахстана в Сибирь (Молодин, Нескоров 1992). Третья обосновывает формирование бегазы-дандыбаевских древностей под воздействием сибирских культурных традиций позднебронзового времени на территории западносибирской степи и лесостепи и миграции носителей данных культурных традиций через Центральный Казахстан до Приаралья (Грязнов 1952; Бобров 2002; Ткачев 2003; 2013).

Большинство исследователей признают, что население степной зоны Евразии на заключительной стадии бронзового века в результате постепенного увлажнения климата переходит от отгонного (пастушеского) к яйлажному (полукочевому), а от него – к кочевому скотоводству. В конце XX в. была высказана гипотеза о том, что на рубеже II–I тыс.

до н. э. под воздействием населения, близкого к карасукскому, на территории Казахстана формируется первое в Евразийских степях кочевое объединение, оставившее памятники бегазы-дандыбаевской культуры, под политическим и экономическим влиянием оказалась огромная территория от Алтая до Приаралья (Исмагилов, 1988). Основные пути кочевания шли с севера-востока на юго-запад и обратно (Ткачев, 2003): Кулундинская степь (Удодов, 1994) – южная зона Павлодарского Прииртышья (Бейсенов и др., 2014; Мерц, 2006) – степи Центрального Казахстана (Маргулан, 1979) – Приаралье (Итина, Яблонский, 2001).

На границе Павлодарского и Восточно-Казахстанского Прииртышья в пределах Кривинско-Семиярского археологического микрорайона открыта серия поселений и могильников, которые позволяют предполагать наличие мощного перевалочного центра, связанного с сезонными миграциями бегазы-дандыбаевского населения (Мерц, 2013; 2017).

Этот центр, скорее всего, являлся исходной точкой, откуда небольшая кочевая группа, связанная с бегазы-дандыбаевскими традициями, оставила небольшой могильник Измайловка, периодически проникая на территорию Верхнего Прииртышья. Планиграфические наблюдения и особенности керамической посуды, обнаруженной в заполнении могил, позволяют наметить определенную хронологическую последовательность исходя из наличия в них бегазы-дандыбаевских емкостей при постепенном нарастании сосудов, на которых проявляются черты, характерные для эпохи ранних кочевников (табл. 1).

Планиграфическое распределение бегазы-дандыбаевских сооружений дает возможность выделить пять основных групп, отражающих количество семей, входивших в кочевое объединение. Сочетание в группе двух (четыре случая) и трех (один случай) погребальных конструкций позволяет предполагать, что данное кочевое объединение посещало рассматриваемое кладбище не менее двух раз. В каждом из сочетаний (курганы 24–25, курган 8 – ограда 9, ограда 22 – ограда 29 – ящик 39; курган 27 – ограда 28, ограда 14а – ограда 17) наблюдается постепенное сокращение бегазы-дандыбаевской посуды, вплоть до ее полного исчезновения. Одновременно происходит увеличение алексеевско-сарга-

ринских сосудов и емкостей новых форм, свидетельствующих о постепенных изменениях керамических традиций.

Курганы 24 и 25 по вещевому инвентарю и трудозатратам на их сооружение, скорее всего, принадлежали элите объединения (рис. 2). Умершего, погребенного в кургане 25, сопровождал богатый вещевой инвентарь (табл. 1: 44–50) и не менее восьми сосудов (табл. 1: 36–42), из которых только один вызывает алексеевско-саргаринские ассоциации (табл. 1: 36). Погребенного в более позднем кургане 24 сопровождали остатки восьми сосудов, пять из которых можно соотнести с бегазы-дандыбаевскими комплексами (табл. 1: 30–32, 34, 35), один – алексеевско-саргаринский (табл. 1: 33) и два неорнаментированных сосуда, в форме которых начинают просматриваться черты, характерные для раннекочевнической посуды (табл. 1: 28, 29).

Следующая хронологическая группа объединяет ограды 22 и 29, к которым примыкает ящик 30 (рис. 2). В ограде 22 погребенного мужчину сопровождали семь сосудов: два бегазы-дандыбаевских (табл. 1: 20, 22) и пять алексеевско-саргаринских (табл. 1: 16–19, 21), бронзовые наконечники стрел (табл. 1: 23) и обломок костяного «штуцера» (табл. 1: 24). С юга примыкала ограда 29, в могиле которой найдены обломки не менее двух сосудов, один из них являлся, судя по орнаментации, бегазы-дандыбаевским (Ермолаева, 2012, с. 63). Еще южнее располагался обособленный ящик, где ребенка сопровождала алексеевско-саргаринская емкость (табл. 1: 59), тогда как в жертвеннике сочетались кости мелкого рогатого скота и обломки бегазы-дандыбаевского сосуда (табл. 1: 60).

В группе из оград 8 и 9 (рис. 2) более ранней является первая, где умершего сопровождали два бегазы-дандыбаевских сосуда (табл. 1: 3), один из них стоял вверх дном на перекрытии (табл. 1: 4). Две емкости имеют сходство с алексеевско-саргаринской посудой (табл. 1: 1, 5), и один сосуд классического алексеевско-саргаринского типа по форме, наличию валика и орнаментации горизонтальной «елочкой» (табл. 1: 2). В могиле ограды 9 найдены отдельные вещи: оселок (табл. 1: 10), кремневая пластинка (табл. 1, 11) и два сосуда – бегазы-дандыбаевский (табл. 1: 9) и алексеевско-саргаринский (табл. 1: 7). Последняя ограда выделяется наличием жертвенника, включа-

ющего сосуд тасмолинского облика раннего железного века (табл. 1: 8) (Ермолаева, 2012, с. 104–105).

Курган 27 и ограда 28 характеризуются отсутствием посуды бегазы-дандыбаевского облика (рис. 2). Погребенного в кургане 27 сопровождало семь сосудов: четыре алексеевско-саргаринских (табл. 1: 52–54), один из которых являлся жертвенной емкостью, накрытой каменной крышкой (табл. 1: 51), и три кувшина, характерных для кочевнической эпохи (табл. 1: 55–57). В ограде 28, примыкавшей к ограде 27 с востока, был погребен ребенок в сопровождении сосуда, отражающего процесс формирования керамики кочевнических форм (табл. 1: 58).

В оградах 14а и 17 отсутствовали сосуды с ярко выраженной бегазинской орнаментацией (рис. 2). В ограде 14а найдены круглодонная емкость, украшенная по тулову налепными «жемчужинами» (табл. 1: 12), и обломки сосуда, имеющего сходство с алексеевской посудой (табл. 1: 12). В ограде 17 обнаружены обломки сосуда, в котором просматриваются нарождающиеся формы посуды, характерные для традиций кочевников (табл. 1: 15).

За пределами основных комплексов расположены два индивидуальных ящика 23 и 26 (рис. 2). Ящик 23, находящийся на погребальной площадке между западной и восточной линиями погребальных сооружений, содержал останки человека в сопровождении серебряной серьги (табл. 1: 27) и двух сосудов – алексеевского облика (табл. 1: 26) и круглодонного кувшина (табл. 1: 25). В ящике 26, встроенном в западную линию (рис. 1), между центральной (24–25) и южной (27–28) парами сооружений, находки отсутствовали.

Особый интерес в измайловском комплексе представляют два жертвенных приклада раннего железного века, которые имеют только опосредованную связь с данным объектом. Они были привнесены в пределы погребального пространства оград значительно позже, когда бегазы-дандыбаевский могильник уже перестал функционировать, но память о погребенных здесь предках еще осталась. Необходимо отметить, что приклады обнаружены в достаточно поздних конструкциях.

Первый приклад состоит из жертвенного сосуда вазовидной формы, характерной для кочевнической эпохи степных районов Казахстана (табл. 1: 8). К сожалению, в ранних

скифо-сакских поминальных комплексах Верхнего Прииртышья керамическая посуда отсутствует, и данную емкость соотносили с тасмолинской культурной традицией, развивавшейся на сопредельных территориях Казахстана (Кадырбаев, 1966, с. 393, рис. 61), и керамикой из курганов с «усами» Верхнего Прииртышья (Арсланова 1975, с. 127, табл. II, 1,10). Привнесение жертвенного сосуда, соотношенного с древностями тасмолинской культуры, исходя из датировки последней, имеет широкий хронологический диапазон в пределах VII–III вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, с. 311). Курганы с «усами» с территории Восточного Казахстана датированы III–V вв. н. э. (Арсланова, 1975, с. 129), т. е. жертвоприношение могли привнести и более чем через тысячу лет.

Второй приклад из могильника Измайловка связан с жертвоприношением конской упряжи скифо-сакского облика: удила с псалиями, подпружные (трочные) пряжки, пронизи, обоймы, бляшки-зажимы, ворворка. Подчеркивая архаичность удил и псалиев, А.С. Ермолаева соотносит их хронологическую позицию с датировкой всего поминального комплекса и отмечает их единовременность с посудой эпохи бронзы (Ермолаева, 1987, с. 159–160; 1987а, с. 90–93; 2012, с. 64–66). В качестве критики данного подхода было предложено рассматривать измайловский кочевнический набор как клад тасмолинской культуры (Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 272), тем более что большинство изделий приклада имеют длительный период бытования в пределах VII–V вв. до н. э. (Шульга, 2008, с. 22, 33). Обычно при рассмотрении аналогичных наборов хронологический показатель обосновывается по наиболее поздним изделиям. Полагаем, что наиболее поздними изделиями приклада являются подпружные (трочные) пряжки, которые упоминаются при характеристике вещевого комплекса, но их культурно-хронологическое положение никак не обосновывается (Ермолаева, 2012; с. 64–65, 79–83, рис. 58, 16–17). Аналогичная ситуация просматривается и при описании приклада из кургана Талдысай, где также совместно с архаичными удилами найдены более поздние трочные пряжки (Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271, рис. 1, 2, 3; Бейсенов, 2002, с. 208–209, рис. 1). Сочетание разновременных изделий не прокомментировано, но их появление

происходит не ранее VII в. до н. э. (Шульга, 2008, с. 33).

В качестве жертвенного приклада можно рассматривать и единовременный тасмолинским жертвоприношениям «майэмирский клад» – комплекс вещей, включающий и бронзовые удила со стремевидными внешними окончаниями. Данный приклад обнаружен под крупным камнем из белого кварца, входившим в поминальную ограду, сопровождавшую курганы с погребениями раннего железного века. Исследователь охарактеризовал обнаруженный набор вещей как «клад», спрятанный грабителями после мародерства Майэмирских курганных захоронений (Адрианов, 1916, с. 67–61).

Появление подобных прикладов в рамках преемственности культурных традиций может быть связано с обычаем «приобщения» (Суразаков, 1999, с. 172), что позволяет предполагать наличие у древнего населения некоторых своеобразных погребальных практик:

- приклад мог выступать в качестве символа взаимосвязи коллектива, пришедшего на земли, где обитали ранее умершие предки, с одновременной просьбой-обращением о разрешении пришедшим использовать данную территорию;

- поздние мигранты жертвоприношением стремились приобщиться к своим предшественникам, оставившим конкретные погребальные объекты и получить право сооружать погребальные конструкции рядом с уже существующими, что подтверждается наличием курганов, соотносимых с ранним железным веком;

- данное жертвоприношение могло выступать искупительной жертвой за преднамеренное разрушение предшествующих захоронений, подчеркивая этим собственное право на владение конкретной территорией.

Более поздние жертвенные приклады отмечены и на памятниках эпохи бронзы в сопредельных регионах Казахстана. В раннеалакульском кургане могильника Нураталды I (Центральный Казахстан) в насыпи за оградой обнаружен приклад бронзовых изделий, характерных для металлургической традиции федоровской культуры эпохи средней бронзы (Кукушкин, Ломан, 2014, с. 585; Дегтярева и др., 2022, с. 60, рис. 2; Ломан и др., 2022, с. 99). На территории Северного Казахстана тасмолинские приклады конской упряжи отмече-

ны на могильниках эпохи бронзы Саргары II и Жабай-Покровка. Они располагались как внутри, так и за пределами оград в небольших углублениях, перекрытых плитками (Хабдулина, 1994, с. 22).

В ограде андроновской культуры кургана 1 могильника Семиярка IV (расположен на стыке Верхнего и Среднего Прииртышья) встречен тасмолинский жертвенный приклад из каменной ступки-«жертвенника» и керамического сосуда, на поверхности которого просматривалась знаковая система в виде семи секторов, отражающих показатели календарного значения. Появление жертвенного приклада, оставленного носителями тасмолинских традиций в андроновском поминальном комплексе, по мнению исследователей, предопределено не только наличием готовой каменной конструкции, сходной с тасмолинскими жертвенными кольцами, но и отсутствием доступных выходов камня, необходимого для строительства подобных ритуальных объектов (Грушин и др., 2019, с. 89, 92, 93).

Таким образом, приклад бронзовых вещей, обнаруженных у ограды 17, хронологически и культурно сопоставим с поминальным комплексом эпохи бронзы только на уровне культурно-хронологической преемственности. Причем данная преемственность имеет опосредованный характер, исходя из общих тенденций развития, связанных с постепенным нарастанием в керамическом комплексе черт, характерных для кочевнических традиций, и постепенным угасанием позднебронзовых. Исходя из этого, хронологическое положение могильника эпохи бронзы Измайловка вряд ли выходит за пределы IX вв. до н. э. В связи с общими тенденциями, направленными на удревнение комплексов раннего железного века, если признать VIII в. до н. э. временем становления не только степной тасмолинской культуры (Бейсенов и др., 2015, с. 13, 16, 22), но и остальных культурных проявлений раннего железа, можно допустить, что наиболее поздние погребальные объекты могильника Измайловка были оформлены в начале VIII в. до н. э.

Культурная и хронологическая позиция древностей, отражающих финальную фазу бронзового века, оценивается по-разному. Одни исследователи рассматривают данные комплексы в рамках переходного времени – как завершающую стадию бронзового века

(Арсланова, 1974; Ермолаева, 2012); другие интерпретируют их как раннесакские в рамках раннескифской эпохи раннего железного века (Боковенко, 1986; Жунисханов, 2014, с. 139–140; Шульга, 2008, рис. 1).

Памятники переходного времени, выявленные на территории Верхнего Прииртышья, развивались в сложных условиях горного и горностепного ландшафтов, отражая противоречивую картину трансформации культурных традиций придомного и отгонного скотоводства эпохи бронзы в систему хозяйства, на основе которого функционировало общество ранних кочевников. Климатические изменения, происходящие на рубеже II–I тыс. до н. э. (Епимахов, Таиров, 2013), позволяют предполагать, что отдельные коллективы могли перейти к кочеванию уже в начале I тыс. до н. э. (Боковенко, 1986, с. 46; Исмагилов, 1988, с. 6; Ткачев, 2003, с. 377). Разнообразие основных компонентов погребального обряда и вещевого комплекса, при их определенной мозаичности, показывает, что географическая среда Верхнего Прииртышья способствовала формированию этнокультурной полиэтничности населения (Шульга, 1999, с. 248).

Сложность изучения проблемы, связанной с изменениями социальной и материальной переориентации общества, исходя из археологических данных, охватывает не менее двух столетий, тогда как конкретный памятник мог функционировать в течение одного, реже двух-трех поколений. Например, переходные комплексы, исследованные на могильниках Зевакино и Измайловка, расположенные, исходя из территориального показателя, фактически рядом, отражают совершенно разные подходы как в компонентах погребального обряда, так и в элементах материальной культуры. Несмотря на то, что, по мнению исследователей, оба объекта соотносятся с одним хронологическим периодом, вряд ли коллективы, оставившие данные памятники, контактировали между собой. Скорее всего, между этими комплексами, даже если они датируются одним периодом, лежит временное пространство не менее столетия, необходимого для трансформации культурных стереотипов. Исходя из общей тенденции удревнения памятников степной полосы эпохи бронзы и раннего железа, древности переходного периода во всем их своеобразии необходимо рассматривать в стадильном порядке как

древности финальной бронзы и датировать X–IX вв. до н. э.

Итак, планиграфические наблюдения и сравнительный анализ вещевого инвентаря позволяют констатировать, что исследованный комплекс оставлен носителями, перешедшими к кочевому ведению хозяйства. Соотношение погребальных объектов на местности свидетельствует, с одной стороны, о наличии двух линий развития от общего предка, с другой – о значительной роли семьи в условиях кочевой организации. Это нашло отражение в появлении парных объединений погребальных конструкций, содержащих, вероятно,

мужские и женские захоронения, при почти полном отсутствии детских погребений. Количество парных объединений и керамические емкости, обнаруженные в захоронениях, свидетельствуют о посещении данного кладбища носителями кочевых традиций не менее трех раз со значительным хронологическим разрывом между ними. Данное предположение подтверждается сокращением в погребальной обрядности бегазы-дандыбаевской и алексеевско-саргаринской посуды с постепенным её замещением емкостями, близкими по основным параметрам сосудам, характерным для эпохи ранних кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 62. Петроград: Типография главного управления уделов, 1916. 94 с.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 46–60.

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 116–129.

Бейсенов А.З. К изучению памятников раннего этапа сакской культуры Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Доклады международной научной конференции / Под ред. Е.В. Ярового. Тирасполь, 2002. С. 208–212.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия / Отв. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы: КазГНУ им. Аль-Фараби, 1998. С. 271–274.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В. Раскопки могильника Караоба в 2013 г. (предварительное сообщение) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 173–186, 264–265.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Бобров В.В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроновидные культуры Западной Сибири // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культуры / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. С. 9–13.

Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алт. ун-т, 1986. С. 46–48.

Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 167–197.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / САИ. Вып. ВЗ-12. М.: Наука, 1971. 90 с.

Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Фрибус А.В. Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1 (25). С. 86–98.

Грязнов М.П. Памятники карасукского круга в Центральном Казахстане // СА. Т. XVI / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 129–162.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Металл в ритуалах эпохи бронзы Казахстана (по материалам могильника Нураталды I) // РА. 2022. № 2. С. 60–65.

Етимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском Междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 213–232.

Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-е Баш. гос. ун-та, 1987. С. 65–83.

Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович и др.. Челябинск: Башкирский ун-т, 1987а. С. 154–163.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987б. С. 64–94.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахстанского Алтая (эпоха бронзы и раннего железа). Алматы: Хикари, 2012. 238 с.

Жунисханов А. Погребальный обряд населения Восточного Казахстана раннесакского времени // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV / Науч. ред. А. Онгар. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 139–143.

Исмаилов Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // УАВ. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: НМ РБ, 1988. С. 3–7.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. 295 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 150 с.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 584–587.

Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Вотивный клад бронзовых изделий федоровской культуры в Центральном Казахстане // Степные миры в зеркале археологии / Гл. ред. Т.С. Садыков. Нур-Султан: ARD-Print, 2022. С. 93–103.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 453 с.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Отв. ред. С.П. Грушин. Барнаул: Алт. ун-т. 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 270–282.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 494–509.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. Ч. I. / Отв. ред. З.С. Самашев. М.: Наука, 1992. С. 93–97, 244–246.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 80 с.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 171–173.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблема происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2003 С. 371–378.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура и проблемы сложения позднебронзового единства в степной зоне // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 330–339.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 1994. 21 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. № 88. М.: АН СССР, 1960. 272 с.

Членова Н.Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.И. Дулов. Новосибирск: Наука, 1961. С. 279–263.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 245–250.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Информация об авторе:

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (г. Тюмень, Россия); sever626@mail.ru

REFERENCES

Adrianov, A. V. 1916. *K arkheologii Zapadnogo Altaya (iz poyezdki v Semipalatinskuyu oblast' v 1911 g.)* (Towards the archaeology of Western Altai (from a trip to Semipalatinsk region in 1911)). Series: Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 62. Petrograd: Printing House of the Main Department of Provinces (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1974. In Akishev, K. A. (ed.). *V glub' vekov* (Going back into ages). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 46–60 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1975. In Akishev, K. A. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana* (Antiquities of Kazakhstan). Alma-Ata: "Nauka" Publ. 116–129 (in Russian).

Beisenov, A. Z. 2002. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (Vtys. do n.e. – Vv. n.e.)* (Ancient Communities of Agriculturists and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.)). Tiraspol, 208–212 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Smailov, Zh. E. 1998. In Toleubaev, A. T. (ed.). *Problemy izucheniya i sokhraneniya istoricheskogo naslediya* (Issues of studying and preserving historical heritage). Almaty: Kazakh State National University named after Al-Farabi, 271–274 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., Merts, V. K., Merts, I. V. 2014. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana* (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan). Astana: "Saryarka" Publ., 173–186, 264–265. (in Russian).

Beisenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naseleniye Tsentralnogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n.e.* (The population of Central Kazakhstan in the I millennium BC). Almaty: Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Bobrov, V. V. 2002. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kultura* (Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, cultures). Barnaul: Altai State University, 9–13 (in Russian).

Bokovenko, N. A. 1986. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Skifskaya epokha Altaya* (Scythian epoch of Altai). Barnaul: Altai State University, 46–48 (in Russian).

Varfolomeev, V. V. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii* (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia). Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 167–197 (in Russian).

Grishin, Yu. S. 1971. *Metallicheskiye izdeliya Sibiri epokhi eneolita i bronzy (Siberia metal items of the Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B3-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Grushin, S. P., Merts, I. V., Merts, V. K., Fribus, A. V. 2019. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 25 (1), 86–98 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1952. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* vol. XVI. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 129–162 (in Russian).

Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Loman, V. G., Kukushkin, I. A. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 60–65 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Tairov, A. D. 2013. In *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3, 213–232 (in Russian).

Bartseva, T. B. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluve Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 65–83 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluve Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 154–163 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 1987. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 64–94 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoj zony Kazakhstanskogo Altaya (epoha bronzy i rannee zhelezo) (Sites of the foothill area of Kazakhstan Altai (Bronze and Early Iron Age))*. Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).

Zhuniskhanov, A. 2014. In Ongar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoi stepi: traditsii i novatsii (Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations)*. Series: Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (*Proceedings of the Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Astana*) IV. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana, 139–143 (in Russian).

Ismagilov, R. 1988. In Akbulatov, I. M. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 1. National Museum of the Bashkir Republic, 3–7 (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskiy, L. T. 2001. *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdний bronzovyy vek Nizhney Syrdari. (Mausoleums of the Northern Tagisken. Late Bronze Age of the Lower Syrdarya)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Kadyrbayev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303–433 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1966. *Metallicheskiye izdeliya eneolita i bronzovogo veka Sredney Azii (Metal items of the Eneolithic and Bronze Age of Central Asia)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4-9. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kukushkin, I. A., Loman, V. G. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 584–587 (in Russian).

Loman, V. G., Kukushkin, I. A., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2022. In Sadykov, T. S. (ed.). *Stepnyye miry v zerkale arkheologii (Steppe worlds in the mirror of archaeology)*. Nur-Sultan: "IP ARD-Print" Publ., 93–103 (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura (Begazy-Dandybay culture)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matyushhenko, V. I., Sinitsyna, G. V. 1988. *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska (Burial Ground in the Vicinity of Rostovka Village near Omsk)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Merts, V. K. 2006. In Grushin, S. P. (ed.). *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka (Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age)*. Barnaul: Altai State University, 73–82 (in Russian).

Merts, V. K. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 270–282 (in Russian).

Merts, V. K. 2017. In *Mir Bolshogo Altaya (The world of the Great Altai)* 4 (3), 494–509 (in Russian).

Molodin, V. I., Neskoroov, A. V. 1992. In Samashev, Z. S. (ed.). *Margulanovskie chteniya-1990 (Margulan Readings – 1990)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 93–97, 244–246 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Selin, D. V., Neskoroov, A. V. 2017. *Vostochnyy variant pakhomovskoy kultury v Tsentralnoy Barabe (Eastern Trend of the Pakhomovka culture in Central Baraba)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Surazakov, A. S. 1999. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 171–173 (in Russian).

Tkachev, A. A. 2003. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia)*. Barnaul: Altai State University, 371–378 (in Russian).

Tkachev, A. A. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 330–339 (in Russian).

Tkacheva, N. A., Tkachev, A. A. 2008. *Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya (Bronze Age of the Upper Irtysh Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Udodov, V. S. 1994. *Epokha razvitoi I pozdnei bronzy Kulundy (The epoch of the developed and Late Bronze Age of Kulunda)*. Thesis of the Dis. of Historical Sciences. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priirishim'e v epokhu rannego zheleza (Steppe Ishim River Area in the Early Iron Age)*. Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).

Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Eastern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 88. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Chlenova, N. L. 1961. In Dulov, V. I. (ed.). *Voprosy istorii Sibiri i Dalnego Vostoka (Issues of the history of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 279–263 (in Russian).

Shulga, P. I. 1999. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 245–250 (in Russian).

Shulga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi lozhadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I. Ranneskifskoe vremia (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai Part I. Early Scythian period)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Tkachev Aleksandr A., Doctor of Historical Sciences, associate professor, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS. Malygina 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; sever626@mail.ru

Статья поступила в журнал 06.04.2024 г.
Статья принята к публикации 27.03.2025 г.